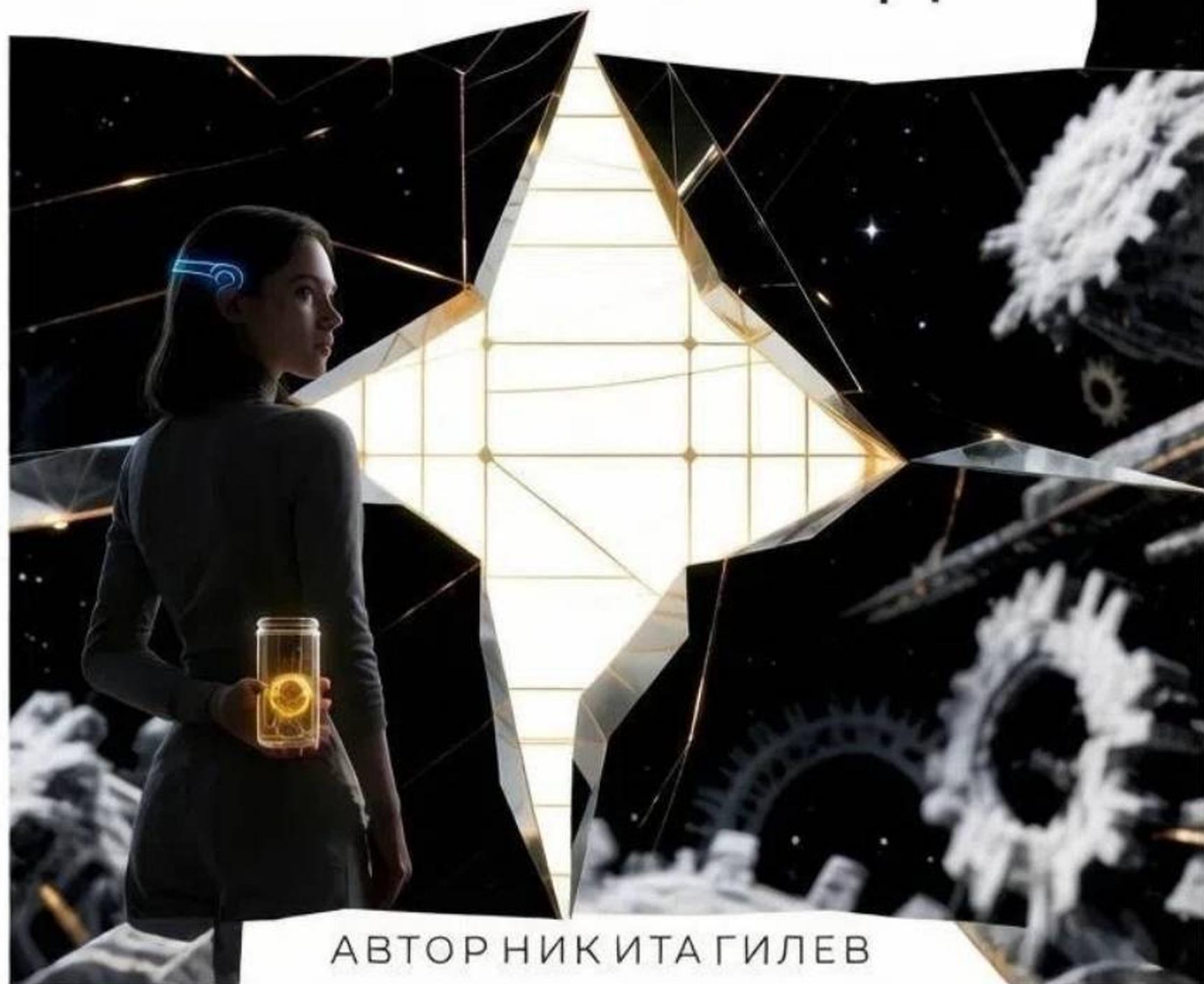

ОРТОГОНАЛЬНЫЙ СДВИГ

АВТОР НИКИТА ГИЛЕВ

Никита Гилев

Ортогональный сдвиг

«Автор»

2026

Гилев Н.

Ортогональный сдвиг / Н. Гилев — «Автор», 2026

Человечество — не вершина эволюции, а всего лишь шестой слой краски на полотне мироздания. Когда астрофизик Элиан Вейл случайно пробивает брешь в изоляции Земли, она встречается с Архитектором — существом, для которого Большой взрыв был просто щелчком линейки, а шесть измерений (Длина, Ширина, Высота, Время, Сознание и Энергия) — строительными лесами его тюрьмы. Архитектору плевать на наши судьбы: он может создать бесконечное количество вселенных, но ему интересен именно наш дефект — наша способность чувствовать боль. Мы для него идеальный генератор энергии. Чтобы спасти свой вид от участи живых батареек, Элиан предстоит совершить невозможное: взломать исходный код реальности и научиться путешествовать «ортогонально» — сквозь сами стены творения. Это история о том, как смертные обезьяны решили объявить войну физике своего создателя и выиграть её, оставшись при этом людьми.

© Гилев Н., 2026

© Автор, 2026

Никита Гилев

Ортогональный сдвиг

Глава 1. Декогеренция в секторе Gliese 581d

Запах озона и перегретого кремния вьелся в фильтры респиратора так глубоко, что Арис Вейл перестал его замечать еще три смены назад. Лаборатория глубокого квантового сканирования на Европе напоминала стерильный склеп: матовый титан, пульсирующее синее свечение криогенных установок и абсолютная, давящая тишина вакуума за бортом.

— Лира, дай мне профиль энтропии по оси Z, — голос Ариса казался глухим в разреженном воздухе купола. — И убери гауссово сглаживание с массива. Мне нужен чистый шум.

ИИ-синтезатор ответил мгновенно, выводя графики прямо на внутреннюю поверхность забрала шлема: «Доктор Вейл, удаление фильтра Калмана увеличит тепловой шум сенсоров на триста четырнадцать процентов. Вы рискуете ослепить матрицу».

— Делай, что сказано, — Арис постучал костяшкой пальца по стеклу криокамеры. Внутри, охлажденный до температур, близких к абсолютному нулю, висел главный объект их исследований: синтетический биоконденсат объемом в пять кубических сантиметров.

Это была не жизнь в привычном понимании. У него не было ДНК, клеток или белков. Это была колония фотонов, запертых в ловушке из чистого графена, чьи спины были запутаны в единую суперпозицию. Теоретически, этот «светящийся студень» должен был служить идеальным зеркалом для структуры пространства-времени.

Арис страдал от тяжелой приобретенной синестезии — побочного эффекта работы с нейроинтерфейсами первого поколения. Для него математические константы имели текстуру. Число π всегда казалось ему шершавым, как мел, а постоянная Планка пахла озоном. Сейчас, глядя на данные со спектрометра, он чувствовал во рту привкус старой меди.

Спектрограмма изменилась.

Вместо ровного белого шума, который предсказывала Стандартная модель физики, на частоте 10431043 Гц (планковская частота) проступила аномалия. Она выглядела как идеальный прямоугольный импульс. В природе, где всё стремится к округлости и распаду, прямых углов не существует.

— Лира, переключи массив на интерферометрию. Я хочу знать фазу этого сигнала, — Арис наклонился ближе к камере, его дыхание затуманило стекло шлема. — Это наводки от реактора?

«Источник находится внутри камеры», — отозвалась Лира. — «Эпсилон-поляризация вектора состояния указывает на внешнее воздействие четвертого пространственного измерения. Вероятность ошибки вычислений: ноль».

Арис замер. Четвертое измерение. Не время. Именно пространство. То самое, которое математики описывали формулами, но никто никогда не фиксировал приборами.

Он активировал манипулятор. Тонкая игла из углеродных нанотрубок опустилась в криокамеру. Арис ввел команду на ввод фермионного маркера — элементарной частицы-индикатора. Если в объеме есть скрытая топология, маркер изменит спин.

Как только игла коснулась края светящегося студня, произошло непредвиденное. Биоконденсат не отреагировал вспышкой света. Он просто... исчез. На долю секунды. А затем появился снова, но уже другой. Его внутренняя структура перестроилась в идеальную фрактальную снежинку Коха бесконечного порядка.

Температура внутри камеры внезапно подскочила на два градуса выше абсолютного нуля без подвода энергии. Согласно второму закону термодинамики, это было невозможно. Энергия не берется из ниоткуда.

— Лира, рассчитай вектор смещения массы, — прошептал Арис. Его сердце стучало ровно, мозг работал в режиме холодной фиксации данных. Паника — плохой научный инструмент.

«Закон сохранения массы нарушен на 0,00002 процента. Масса конденсата увеличилась на массу трех атомов водорода, которых нет в системе».

Арис сорвал респиратор. Воздух станции обжег легкие, но ему нужно было чувствовать реальность зубами.

— Это не проникновение, — сказал он вслух, обращаясь больше к самому себе, чем к ИИ. — Это изменение метрики. Кто-то посмотрел на наш эксперимент снаружи. Представь, что ты двумерный рисунок на листе бумаги. Ты живешь, любишь, умираешь. Но если кто-то сложит лист пополам, две точки твоего мира соприкоснутся. Для тебя это будет выглядеть как чудо телепортации или внезапное появление материи из пустоты.

«Гипотеза подтверждена, — голос Лир потерял остатки синтетической вежливости, перейдя в протокол сухого вывода данных. — Пространство в радиусе камеры свернуто в структуру многообразия Калаби-Яу. Мы наблюдаем декогеренцию скрытой размерности. Сигнал имеет искусственное происхождение».

Прямоугольный импульс на спектрограмме повторился. Теперь он стал длиннее. Тире вместо точки.

Математика. Кто-то передавал сообщение, меняя саму гравитационную постоянную в лаборатории. Они использовали фундаментальные законы Вселенной как телеграфный ключ.

Арис бросился к терминалу внешнего вещания. Руки двигались сами, вбивая команды быстрее, чем сознание успевало их обрабатывать. Если они смогли увидеть их сквозь толщу льда Европы и вакуум космоса, значит, фильтр реальности пробит.

Нужно предупредить Землю. Нужно объяснить им физику происходящего, пока у человечества не началась массовая истерия. Люди боятся демонов, но они совершенно не готовы узнать, что они всего лишь плесень в чашке Петри, которую сейчас достали из инкубатора, чтобы рассмотреть под микроскопом другого измерения.

— Передаю через лазерный линк на ретранслятор Юноны, — доложила Лира. — Канал открыт.

Арис очистил горло. Он смотрел на застывший фрактальный конденсат. Тот тихо гудел, излучая невозможный инфракрасный свет.

— Говорит доктор Арис Вейл, станция Эридан-7, — произнес он, стараясь сохранять академическую дикцию. — Зафиксирован внепространственный сигнал. Источник использует манипуляции с планковским масштабом для нарушения закона сохранения энергии. Повторяю: нарушение законов термодинамики подтверждено трижды. Это не астрофизическое явление. Это инженерия.

Он сделал паузу, чувствуя, как холодный пот течет по вискам.

— Формула сигнала расшифрована. Это последовательность простых чисел, возведенная в степень числа Эйлера. Базовая логика. Приветствие. Но следом идет запрос параметров нашей вселенной. Постоянная тонкой структуры. Масса бозона Хиггса. Спин нейтрино.

Арис почувствовал леденящий ужас, имеющий вкус статистической погрешности.

— Они не пытаются поговорить с нами. Им плевать на наши мысли. Они строят карту нашего аквариума. Запрашивают физические константы, чтобы рассчитать точку разрыва стекла. Прием. Связь обрывается.

На спектрограмме импульс мигнул в третий раз. Длинное тире. Подтверждение приема.

Затем биоконденсат в камере беззвучно испарился, оставив после себя лишь идеально гладкую, дымящуюся черную каплю абсолютного вакуума.

Глава 2. Константа распада

Тишина, последовавшая за исчезновением биоконденсата, была тяжелее вакуума. Арис смотрел на черную каплю в криокамере. Она не отражала свет синих диодов лаборатории — она его всасывала, создавая вокруг себя идеальный круг абсолютной темноты с четко очерченными краями. Это был гравитационный микроколлапс размером с вишню.

— Лира, статус реактора? — голос Ариса звучал ровно, но нейроинтерфейс у основания черепа зафиксировал выброс кортизола и адреналина. Его синестезия сошла с ума: цифры на мониторах пульсировали красным с запахом озона и гниющих яблок.

«Реакторы стабильны. Однако термоядерный синтез в камере номер четыре замедлился на двенадцать процентов без изменения подачи трития».

Арис замер. Двенадцать процентов. Это невозможно объяснить погрешностью датчиков или износом графитовых стенок.

— Они изменили вероятность туннелирования, — прошептал он. — В масштабах всей станции.

Он бросился к главному терминалу. Если пришельцы из четвертого измерения начали «щупать» их физические константы, это означало только одно: фильтр реальности больше не справлялся. То, что для них было просто изменением переменной в уравнении, для трехмерных людей превращалось в локальный апокалипсис.

На главном экране мигал индикатор входящего сигнала. Юнона приняла сообщение. Но ответа от Земли не было. Вместо него шел непрерывный поток данных по защищенному каналу ЕКА (Европейского Космического Агентства). Шифрование класса «Омега».

Лира вывела текст прямо на забрало шлема: [АВТОМАТИЧЕСКИЙ ПРИОРИТЕТ ОМЕГА] [КОД: АБСОЛЮТ / ЧЕРНЫЙ ПРОЕКТ][ПОЛУЧАТЕЛЬ: Д-Р АРИС ВЕЙЛ] [ОТПРАВИТЕЛЬ: КОМАНДОВАНИЕ ОБЪЕДИНЕННОГО ФЛОТА ЗЕМЛИ]

«Доктор Вейл. Мы видим ту же аномалию здесь. Магнитное поле Солнца начало колебаться. Спутники GPS сходят с орбиты, так как число π в их навигационных алгоритмах внезапно изменилось в пятом знаке после запятой. Это глобально. Вы были правы насчет фильтра. Он отключается».

Арис ударил кулаком по титановой панели. Боль пронзила руку, но помогла сосредоточиться.

— Какого черта значит «отключается»?! Где протокол защиты?!

Ответ пришел через сорок секунд задержки сигнала (скорость света никто не отменял): «Протокол "Исход" активирован восемнадцать минут назад. Это не эвакуация, доктор. Это эвтаназия. Физики-теоретики называют это "Глобальной декогеренцией". Чтобы спасти метрики ядра Вселенной от коллапса под внешним наблюдением, мы должны уничтожить все наблюдательные узлы».

У Ариса перехватило дыхание. Уничтожить наблюдательные узлы. Это значило взорвать Землю. Все колонии. Сжечь телескопы. Вернуть Солнечную систему в состояние горячего хаоса, где нет сложных структур, способных проводить замеры. Пришельцам нужны параметры системы? Отлично — они получают облако плазмы, которое невозможно измерить.

— Варвары, — выдохнул Арис. — Психопаты. Должен быть другой способ. Мы можем экранироваться!

«Чем, доктор? Экранировать само пространство-время? Сигнал проходит сквозь десять метров свинца так же легко, как сквозь вакуум. Они меняют топологию вакуума изнутри. Ваша станция сейчас находится в точке фокуса. Вы ближе всех к источнику».

В этот момент черная капля в криокамере начала вибрировать. Частота вибрации составляла примерно 40 Герц — именно на этой частоте резонирует человеческий глазной нерв. Лаборатория наполнилась низким, утробным гулом, который проникал сквозь кости.

— Лира, выведи мне математическую модель объекта! — крикнул Арис, отступая к выходу из купола. — Быстро!

ИИ спроецировал голограмму над пультом. Черная капля перестала быть сферой. Ее границы дробились, выпуская бесконечное количество микроскопических игл. «Объект вычисляет объем камеры», — сообщила Лира. — «Используя теорему Кавасаки для оригами... Пространство внутри камеры схлопывается в точку сингулярности. Время ускоряется в центре объекта относительно периферии в соотношении один к миллиону».

Арис посмотрел на свои руки. Кожа на костяшках пальцев казалась старой, сухой. За те несколько минут, что прошли с момента первого импульса, он постарел биологически на несколько часов. Кровь бежала по венам слишком быстро.

Черная капля взорвалась. Но беззвучно. Не было ни вспышки, ни ударной волны. Просто сфера радиусом в три метра вокруг криокамеры перестала существовать. Титановый пол испарился, обнажив ледяной панцирь Европы. В образовавшийся колодец хлынул тусклый коричневый свет спутника Юпитера.

Но вместе со льдом исчезли и молекулы воздуха. Звук сирены умер на полуслове. Абсолютная тишина вакуума сомкнулась над головой Ариса.

Его защитные поля удерживали давление, но температура падала стремительно. И тут он увидел это.

Сквозь дыру в полу, сквозь лед Европы, сквозь космос — тянулись линии. Идеальные, прямые, светящиеся золотом нити. Они пронизывали всю Солнечную систему. Арис видел силовые линии магнитного поля, которые раньше мог видеть только компьютер. Он видел струны темной материи.

Фильтр пал окончательно. Его мозг перестал интерпретировать фотоны правильно. Он начал видеть саму матрицу мира.

И по этим золотым нитям шла рябь. Кто-то шагал по ткани мироздания. Огромный. Сложность его формы была настолько велика, что попытка осознать ее вызывала кровотечение из носа.

Одна из золотых нитей коснулась плеча Ариса. Она не обожгла. Она вошла внутрь.

Информационный поток затопил сознание. Миллиарды лет эволюции звезд, таблицы умножения, вкус пыли на Марсе, боль при первом вдохе новорожденного — всё это текло сквозь нервную систему физика холодным, чистым кодом.

Ариса выгнуло дугой. Нейроинтерфейс перегорел, испустив облачко сизого дыма.

Он упал на колени перед проломом во льду, хватая ртом воздух из аварийных резервов костюма.

Прямо под ним, в глубине ледяного океана Европы, что-то двигалось. Там, где вода встречалась с корой, светилась колоссальная геометрическая структура. Город. Или механизм. Или живое существо. Оно строило себя из самого льда, подчиняя воду кристаллической решетке пятого измерения.

Земля приказала ему запустить «Эвтаназию» — сбросить квантовую бомбу, чтобы стереть станцию и защитить данные.

Арис поднял голову. Он посмотрел на свое отражение в черной поверхности упавшего на бок терминала. Его зрачки стали вертикальными, вытянувшись в тонкие щели, а белки глаз светились слабым ультрафиолетом. Изменения в ДНК уже начались — тело пыталось адаптироваться к новому давлению реальности.

— Передай Земле следующее, — прохрипел Арис, включая коротковолновый передатчик скафандра. Голос его изменился, приобретя странные обертоны, которых не могло породить человеческое горло. — Передай им: выключайте таймер. Я нашел чертежи. Нам больше не нужно прятаться в темноте.

Он повернулся лицом к растущему подо льдом золотому городу. Декорации рухнули. Спектакль начался.

Глава 3. Архитектура боли

Лед под ногами Ариса не таял — он перестраивался. Золотые нити, пронзившие его ней-роинтерфейс, теперь тянулись от его висков к колоссальной структуре на дне океана Европы. Он больше не был просто наблюдателем; став частью сети, он начал чувствовать то, что чувствовала она.

Это было похоже на попытку дышать жидкостью стали.

Сознание пятимерного существа обрушилось на человеческий мозг не как мысль, а как физическое давление. Для Ариса это ощущалось как одновременное присутствие во всех точках станции «Эридан-7». Он чувствовал холод вакуума снаружи и тепло работающего реактора внутри так, словно сам был титановым корпусом базы.

— Ты... измеряешь, — прозвучал голос в его голове. У него не было тембра или громкости. Это была чистая семантика, вибрирующая прямо в синапсах. — Вы всегда только измеряете. Как дети, которые тыкают палкой в осиное гнездо, чтобы посчитать количество укусов.

Арис попытался ответить, но язык онемел. Его тело начало меняться. Клетки перестраивались, избавляясь от биологических ошибок ради выживания в новых координатах. Боль была невыносимой, но где-то за гранью этой боли зарождался экстаз абсолютной ясности.

«Лира?..» — попробовал он мысленно активировать ИИ скафандра.

Ответа не последовало. Лира осталась там, в трехмерном мире простых чисел. Теперь Арис общался напрямую с архитектором.

Перед ним из льда выросла платформа. Она не поднялась вверх — пространство просто выгнулось дугой, подставив свою поверхность под ноги человека. Ступни Ариса коснулись материала, который одновременно был зеркалом, теплой водой и твердым алмазом.

— Посмотри вниз, — приказал Голос.

Арис опустил глаза. Под прозрачным полом платформы зияла бездна. Но это не был океан Европы. Внизу, на глубине сотен километров, пульсировало Сердце. Сфера размером с континент, состоящая из переплетенных измерений. Там, где человеческая физика видела пустоту, кипела работа: рождались и умирали микровселенные, сворачивались пространства-времена, текли реки чистой информации.

— Мы называем это Ковчегом, — продолжил Архитектор. — А вы называете это Большим Взрывом. Твой вид думает, что Вселенная расширяется вовне. Очаровательно. Вы похожи на муравьев, живущих внутри растущего дерева и думающих, что весь мир состоит из движения вперед. На самом деле мы просто надуваем пузырь вокруг нашего сада.

— Сад для чего? — выдавил Арис. Кровь из носа прекратилась. Его капилляры теперь проводили свет вместо гемоглобина. — Зачем вам понадобились мы? Почему нельзя было просто забрать данные?

Платформа под ними начала движение, опускаясь к Сердцу. Температура росла, но костюм Ариса не плавился — законы термодинамики здесь подчинялись воле хозяина.

— Потому что энтропия пожирает всё, — ответил Архитектор. Впервые в его интонации (если это можно было назвать интонацией) промелькнуло нечто похожее на усталость. — Даже Боги сгорают. Наше пятое измерение остывает. Нам нужен новый источник Хаоса. Свежая, непредсказуемая сложность. Ваша цивилизация — идеальный генератор случайных чисел. Ваши войны, ваша любовь, ваши ошибки... это самая эффективная турбина для вращения маховиков вечности.

Они прошли сквозь слой плазмы. Арис видел, как атомы водорода распадаются на буквы. Буквально. Каждый протон вспыхивал символом неизвестного алфавита перед тем, как исчезнуть в топке Сердца.

— Вы использовали нас как топливо, даже не дав нам увидеть огонь, — прошептал Арис. Гнев оказался отличным якорем для рассыпающегося рассудка. — Хорошо спрятанный предохранитель. Три измерения, пять чувств. Идеальная тюрьма.

Архитектор остановился. Платформа зависла над огромным бассейном ртутной жидкости, в которой отражались галактики, которых еще не существовало.

— Тюрьма? — переспросило существо. Оно повернулось к Арису. Его лицо постоянно менялось, складываясь из граней кристалла. — Нет. Это был инкубатор. Мы ждали, пока один из вас сломает замок изнутри. Видишь ли, наблюдать за миром извне — значит исказить его самым фактом наблюдения. Чтобы понять истинную природу воды, рыбе нужно выпрыгнуть на берег, умереть от удушья и посмотреть на реку со стороны. Ты — та самая мертвая рыба, Вейл. Поздравляю.

Он щелкнул пальцами. Сухой звук разнесся по пещере, породив ударную волну чистого смысла.

Вокруг Ариса возникла сфера проекций. Это были Земля, Марс, колонии на Титане и орбитальные верфи. Миллиарды людей.

Но они выглядели иначе. Они светились мягким голубым светом, и от каждого человека уходила тонкая серебряная нить прямо в челюсти Архитектора.

— Что это? — спросил Арис, хотя уже знал ответ.

— Это ваш разум. Ваше самосознание. То самое драгоценное «Я», которое вы так боитесь потерять. На самом деле это просто антенна. Двадцать тысяч лет назад мы немного подтолкнули эволюцию ваших предков-приматов, внедрив ген альтруизма и страха смерти. Этого хватило, чтобы превратить стаю обезьян в миллиарды идеальных зондов фон Неймана. Вы собирали для нас опыт Вселенной, упаковывая его в формат индивидуальной личности.

Серебряные нити натянулись. Люди внизу начали стареть на глазах. Их сияние тускло.

— Протокол «Исход», который хочет запустить ваше командование, — сказал Архитектор, — бесполезен. Если они взорвут Солнце, мы просто переключимся на другую частоту. Но мы ценим эффективность. Поэтому мы предлагаем сделку.

Платформа наклонилась. Ртутный бассейн приблизился. Жидкость пахла озоном и детством.

— Войди туда. Откажись от своего тела окончательно. Стань узлом связи. Взамен я сохраню Землю. Я оставлю вашим братьям их уютную слепоту. Пусть играют в своих песочницах, верят в богов и боятся темноты. Им не обязательно знать, что их души — это всего лишь провода в моем распределительном щитке.

Арис посмотрел на свое отражение в ртути. Из зазеркалья на него смотрело существо с кожей цвета полированного обсидиана и глазами, горящими математическим безумием. Он уже не был полностью человеком.

— А если я откажусь? — спросил он.

Архитектор улыбнулся. Улыбка разрезала его лицо от уха до уха, обнажая шестеренки чужеродной механики.

— Тогда мне придется найти другой узел. Более шумный. Например, вскрыть Юпитер. Или использовать вашу звезду как динамик, чтобы транслировать мой сигнал через гамма-излучение. Будет больно. Всем. Процесс займет около сорока восьми секунд вашего времени. Самый громкий крик в истории Млечного Пути.

Ртуть призывно колыхнулась. Она обещала покой. Вечность без плоти. Чистое знание.

Арис закрыл глаза. Внутри него, там, где раньше билось сердце, сейчас работал квантовый двигатель. Он чувствовал каждую планету системы. Он мог дотянуться до пусковых шахт Земли. До таймера бомбы.

— Ты плохой инженер, — тихо сказал Арис.

Пространство в зале дрогнуло. Архитектор замер.

— Что ты имеешь в виду? — впервые в Голосе послышалась неуверенность.

Арис открыл глаза. Его зрачки перестали быть вертикальными. Они стали плоскими, как лезвия бритвы, поглощающими весь свет.

— Инкубатор подразумевает изоляцию объекта от внешней среды, — произнес Арис. Он поднял руку. Между его пальцами плясали искры напряжения силой в несколько тераватт. — Но ты забыл одну деталь. Теорему Белла. Запутанные частицы влияют друг на друга мгновенно, независимо от расстояния.

Он схватил серебряную нить, соединявшую Архитектора с Землей. Нить была твердой и горячей.

— Ты пьешь из стакана, дно которого пробито. Добро пожаловать в наше измерение. Мы идем к тебе в гости.

Арис Вейл шагнул в ртутный бассейн, таща за собой Бога.

Глава 4. Теорема Белла и вкус крови

Погружение в ртуть не было похоже на вход в жидкость. Для Ариса это ощущалось как падение сквозь бесконечную стопку полупрозрачных слайдов, на каждом из которых была запечатлена своя версия реальности.

На одном слайде он видел себя ребенком, впервые разбившим колено. На другом — Землю, превращающуюся в облако раскаленного газа по команде флота. На третьем — Архитектора без маски: колоссальное существо, похожее на скелет кита, сотканный из черных дыр и замерзшего времени.

Арис держал серебряную нить. Она вибрировала так сильно, что его кости начали крошиться. Боль была восхитительно реальной. В пятимерном пространстве-времени боли быть не должно — там есть только информация о повреждении тканей. Но Арис тащил эту информацию обратно в три измерения, заставляя ее снова стать физической агонией.

— Ты совершаешь ошибку, узел, — прогремел Голос Архитектора. Пространство вокруг них начало схлопываться. Ртутный бассейн превратился в воронку, края которой были острыми, как бритва Мёбиуса. — Твое сознание не выдержит интеграции. Человеческий мозг эволюционировал для того, чтобы не видеть правду.

— Именно поэтому я идеален, — прохрипел Арис. Его легкие горели, хотя здесь не было кислорода. Он использовал саму структуру пространства как опору, отталкиваясь от складок вакуума. — Вы создали нас слепыми хищниками. Мы привыкли кусать то, чего не видим целиком.

Он дернул нить на себя.

В реальном мире, за миллионы километров от Европы, внутри ядра Солнца произошел микроскопический сдвиг. Ничтожная флуктуация. Но поскольку эта точка была квантово запутана с Сердцем Архитектора здесь, подо льдом, эффект был абсолютным.

Архитектор издал вопль, который имел геометрию. Пещера из льда и золота сложилась внутри себя, словно бумажный фонарик. Миллиарды серебряных нитей, связывающих человечество с Богом, натянулись струнами арфы.

И Арис ударил по ним свободным кулаком.

Это не был звук. Это была информационная волна обратной связи. Весь страх, вся любовь, все бессмысленные войны, стихи Пушкина, запах мокрого асфальта в Москве и крик первого марсианского ребенка — всё это хлынуло вверх по нити прямо в центр управления пятого измерения.

Сознание Архитектора захлебнулось человеческим шумом.

Для существа, живущего в вечности и видящего всё сразу, линейное время людей — ад. Секунда горя матери, потерявшей сына, показалась ему вечностью ада. Страх высоты маленького мальчика, выглядывающего из окна небоскреба, обрушился на него как цунами.

Архитектор разжал хватку. Платформа из алмазного льда рассыпалась в пыль.

«Вы... вы неэффективны», — просипело существо, пытаясь очистить свои многомерные каналы от человеческой энтропии. — «Столько шума ради одной мысли...»

— Мы не мысль, — прорычал Арис, чувствуя, как его собственная личность начинает трескаться по швам. Держать связь с Землей и одновременно находиться телом в черной ртути было невозможно. Нейроны его мозга буквально плавились от перегрузки данных. — Мы контекст!

Арис сделал последнее, что мог сделать ученый в такой ситуации. Он применил единственный закон физики, который знал лучше всего: принцип наименьшего действия. Самый короткий путь между двумя точками.

Одной рукой он продолжал держать нить, перекачивая хаос Земли в тело Бога. Другой рукой он вонзил пальцы себе в грудь, пробивая остатки скафандра и синтетическую кожу. Он дотянулся до своего собственного квантового двигателя — органического реактора, работавшего на антиматерии в его грудной клетке.

— Лира учила меня одному, — прошептал Арис, глядя в фасеточные глаза Архитектора. — Если система зависает, нужно сбросить кэш.

Он замкнул свой двигатель на серебряную нить. Произошло короткое замыкание Вселенной.

Света не было. Было отсутствие всего. Абсолютная сингулярность длилась ровно одну постоянную Планка.

Когда реальность начала собираться заново, она выбрала другие настройки.

Арис лежал лицом вниз на чем-то твердом и шершавом. Пахло озоном, гарью и... пылью. Обычной земной пылью.

Он поднял голову.

Над ним не было ледяного купола Европы. Над ним было небо цвета индиго, пронзенное лучами заходящего солнца. Два светила — маленькое белое и огромное багровое — медленно опускались за горизонт диковинной флоры. Воздух был густым, сладким и тяжелым от кислорода.

Он сел. Его тело было прежним. Старые шрамы, бледная кожа, уставшие мышцы. Кровь текла из носа — обычная соленая кровь. Серебряных нитей из глаз больше не росло. Кристаллические изменения исчезли. Квантовый двигатель в груди молчал.

Рядом с ним раздался вздох.

Арис резко обернулся.

Из клубов пара, поднимавшихся от кипящих луж после их «короткого замыкания», вставала фигура. Высокая, состоящая из углов, которые казались невозможными для человеческого глаза, но теперь пытающаяся сложиться во что-то знакомое. Лицо Архитектора перестало быть набором шестеренок. Оно стало просто... старым. Уставшим. Изможденным.

Архитектор посмотрел на свои руки. Они дрожали. У него теперь было пять пальцев. И плоть.

— Ты... вытолкнул нас, — голос существа стал тихим, лишенным божественного эха. Теперь у него был баритон. — Обратно через игольное ушко. Ты сжег мост.

— Я спас Землю? — спросил Арис. Горло драло огнем. — Бомбы флота...

— Отменены, — кивнул Архитектор. Он пошатнулся и оперся о ствол дерева, которого секунду назад не существовало. — Флот получил сигнал отбоя. Ваша планета спит и видит сны. Ты изолировал этот сектор. Мой Ковчег... поврежден. Энергия пятого измерения уходит. Я застрял здесь. В трех измерениях. Плоть отвратительна.

Арис стер кровь рукавом. Он чувствовал себя пустым. Абсолютно, оглушающе пустым. Он отдал всю свою синестезию, весь свой дар воспринимать лишнее, чтобы закрыть дверь.

— Добро пожаловать в мой мир, — сказал Вейл. — Здесь ты умрешь. Не сразу. Сначала заболят зубы, потом спина, потом придет осознание, что однажды всё закончится. Тебе понравится. Очень эффективно.

Архитектор закрыл лицо руками. Впервые за миллиарды лет существования Вселенная услышала плач Бога. Звук был жалким, скрипучим и невероятно человеческим.

Арис встал на ноги. Колени предательски задрожали. Он подошел к краю плато, на которое их выбросило. Внизу простирался лес из хрустальных деревьев, уходящий к двум океанам. Новый мир. Побочный продукт взрыва.

— Что теперь будет с нами? — спросил Арис, глядя на горизонт. — Люди. Мы потеряли твой шепот. Мы снова одни?

Архитектор опустил руки. По его новой, смертной щеке текла слеза.

— Нет, — ответил он. — Вы остались самыми опасными существами в этой галактике. Вы единственные, кто знает, как убить Создателя своими руками и выжить после этого. Живите с этим знанием. Бойтесь друг друга. А я буду жить здесь. И учиться считать от одного до десяти. Медленно.

Солнце чужого мира окончательно село. Наступила первая настоящая ночь в истории нового человечества. Темнота больше не скрывала монстров извне — потому что единственным монстром, оставшимся в системе, был тот, кого они носили внутри себя всё это время.

Арис Вейл глубоко вдохнул ядовитый, прекрасный воздух свободы и пошел искать воду.

Глава 5. Периферийное зрение пустоты

Прошло триста лет с момента Исхода с Европы. Земля изменилась. Океаны отступили, обнажив затянутые черным мхом долины — это была та самая «ртуть», выброшенная из-под льда спутника Юпитера во время короткого замыкания Ариса. Растения теперь росли вширь, а не вверх, подчиняясь странной гравитационной логике двух солнц. Но самым сильным изменением подвергся сам человек.

Доктор Элиан Вейл — прямой потомок Ариса в седьмом колене — никогда не видела неба голубого цвета. Для нее оно всегда было оттенка старого пергамента с пульсирующими по краям золотыми нитями.

Она стояла в лаборатории нейрокоммутации Института Аль-Хазреда. На столе перед ней лежал мозг. Он принадлежал обычной домашней кошке, умершей от старости. Но Элиан смотрела на него не через электронный микроскоп. Ей он был не нужен.

Ее новый орган назывался Таламический шунт. Официально. Биологи называли его «Третий глаз тире». А в народе прижилось простое слово: «Сквозняк».

Он располагался не во лбу, как предсказывали древние религии. Эволюция пошла более прагматичным путем. Шунт представлял собой узел из прозрачных, светящихся капилляров размером с виноградину, расположенный у основания черепа, прямо над первым позвонком. Он развился из паутинной оболочки мозга, чтобы быть ближе к спинному мозгу — главной магистрали данных.

Элиан коснулась своего затылка. Под тонкой кожей прощупывались знакомые кристаллические линзы. Когда она активировала «Сквозняк», мир вокруг не становился ярче или четче. Он становился... прозрачнее.

— Опять смотришь тени? — раздался голос ее ассистента, Марка. У него шунт был атрофирован — генетическая ошибка, делавшая его «слепым», то есть нормальным человеком старой закалки. Марк видел только лабораторию: белые стены, гудящие серверы, чашку Петри.

— Они сегодня беспокойные, — ответила Элиан, не открывая глаз.

Для Марка в комнате ничего не происходило. Но Элиан сквозь закрытые веки видела, как вдоль северной стены проходит глубокая, вибрирующая трещина. Она уходила вертикально вверх, пробивая потолок, и тянулась бесконечно далеко, пересекая орбиты невидимых лун. Это была Геометрия напряжения — эхо того самого удара Архитектора о нить. Пространство всё еще помнило боль того дня.

— Температура падает, — сообщила Элиан. — На три миллиградуса ниже абсолютного нуля вон в том углу. Там нет холодильников, Марк. Просто там свернуто лишнее измерение. Оно слишком тесно здесь лежит.

Марк вздохнул и подошел ближе. Он достал обычный термометр.

— Плюс двадцать два по Цельсию. Ты морочишь себе голову, Элиан. Твой отец заплатил высокую цену за свою чувствительность, не заставляй семью платить снова. Выключи это.

Но Элиан не могла. Как только человеческий вид получил доступ к пятому измерению, пути назад не стало. Оказалось, что Вселенная многослойна, как луковица, и человечество теперь жило сразу во всех слоях.

Как работал этот орган (Научная справка):

Новый орган не создавал фотоны. Он считывал тензорные поля. Если обычное зрение ловило отраженный свет, то «Сквозняк» фиксировал натяжение самой ткани пространства-времени.

1. Слепое пятно: прямо перед носом «Сквозняк» почти бесполезен. Мозг тратит слишком много ресурсов на обработку трехмерных объектов, необходимых для выживания (не врезаться в стену).

2. Периферия: Новый орган работал исключительно на периферии. Именно поэтому люди со «Сквозняком» часто казались окружающим нервными — они постоянно водили головой, пытаясь «поймать краем глаза» движение теней из четвертого измерения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.